

Европейская модель казанского производства

Мир узнает Татарстан по опере и «КамАЗам»

Марина БОРИСОВА

Шляпин — российская гордость Казани: на родине главного русского певца в 19-й раз проходит международный фестиваль его имени. Казань — европейская гордость России, но она еще не осознала это в должном объеме: не думая о своем имидже на родных просторах, столица Татарстана глядит в другую степь от общей театральной политики. Наши оперные дома хотят одеть оперу в современный костюм (как в продвинутой Европе), чтобы угодить столичную критику, и засветиться на «Золотой маске», чтобы обеспечить любовь местных начальников. Казань же заботит только одно: курс продаж.

В качестве ходовой валюты идет музыкальный театр. Опера и балет наряду с «КамАЗами» — визитка Татарстана в Европе, которая начиная с 1994-го ежегодно переваривает по 100 казанских спектаклей, отдавая взамен растущее внимание импресарио, народную любовь и адекватную критику. Опера и балет, но уже без «КамАЗов», как воздух нужны и казанцам, которые раскупают Шляпинский фестиваль за два дня да и весь сезон просто не вылезают из театра. «Величайшее из правил — нравиться публике», — говорят Мольер и выдающийся директор Рауфаль Мухаметзянов, первым в России создавший новую модель театра, близкую европейской.

ции — волнение в крови, которое пробуждают тенор или сопрано. И, не спрашивая о постановщике, казанский зритель летит на солиста.

На нынешнем фестивале их 22 из пяти стран. Одни возникают вдруг из-за пауз в своей международной карьере: в «Реквиеме» Верди солируют Нина Терентьева и Владимир Богачев, в «Тоске» — Валентина Цыдыпова. Другие частые гости: Теймураз Гугушвил — непревзойденный Каварадосси, Юрий Марусин — самый странный в мире Герман, наследник легендарного Печковского. Казани верна лучшая российская Виолетта — обворожительная Нуржамал Усенбаева из Алматы с европейски отточенным вокалом.

Ошеломляющее открытие — Анжела Швачка: 26-летняя дива из Киева — совершенная Кармен, какие бывают только в больших театральных легендах. Казань получила выпускницу Львовской консерватории в превосходной вокальной кондиции и, возможно, стала единственным российским свидетелем старта блестящей международной карьеры. Особый казанский шик — Владимир Кудряшов из Большого театра, превосходный в ролях второго плана, и Вадим Дулат-Алеев — в блестящих вступительных словах. Фирменный казанский стиль — оркестр: отменно вышколен, всегда одухотворен — и у музидиректора Игоря Лацанича, и у дирижера Владимира Васильева.

«Пиковая дама», финал. Герман — Юрий Марусин

Вместо патриархально-неповоротливого института «главных» (когда весь театр работает на культ режиссера, а рука одного художника штампует спектакли) — художественные руководители оперы и балета, вместо несметного числа солистов (прописанные в театре актеры годами талдычат одни роли, испытывая публику на выносливость) — контрактная система, когда артист берется не вообще в штат, а на конкретную роль. Сбросив ярмо индивидуальных амбиций вечно недовольных творцов, структура театра дала Казани воплотить российскую национальную мечту — спектакли высокого прокатного качества. Молодой и крайне мобильный руководитель Гюзель Хайбулина (не постановщик, а музыковед и театровед!), возглавив оперу с 25 лет, собрала здесь вокальный цвет России, СНГ и пригласила ставить тех, кто понял генеральную стратегию театра, основанную на култе зритель.

А зритель, особенно в провинции — что российской, что датской, — любит одно. Несмотря на старания авангардистов скрестить старую оперу с новым дизайном, он тайно ждет не остро-ты и условности, а иллюзии и красоты, и побеждают «Травиата» Дзеффирелли и «Пиковая дама» Дмитриева. Новизне он предпочтет традицию, умной концеп-

Находка Казани — режиссер Алексей Степанюк (в прошлом известный челябинский модернист, сегодня — искусный реставратор старого репертуара в Мариинском) с его редким даром делать сцену частью музыки, а режиссерские усилия — незаметными. Он может и оживить декорации Головина к «Кармен» 1908 года, не исказив их дух современной гримасой, и показать красоту постдзееффиреллиевской «Травиаты» (1995-й) как новое слово. Так, оставив российские метания в концептуальную условность, Казань пришла к сегодняшним открытиям Запада: при хорошей музыке и традиционная сцена рождает желанное театральное чудо.

Вглядываясь в прошлое, Казань движется к входящему в моду историзму. Не один Мариинский театр уловил волшебную силу старины, вынося итогом века «Спящую красавицу» 1890-го (контекст: «Сила судьбы» из 1862-го и «Аида» из 1922-го). Зная могучую силу гранд-живописи, Казань дает «Бориса Годунова» Баратова — Федоровского, и обруганный всеми реализм звучит вдруг актуальным искусством. И головинская «Кармен», зачаровавшая когда-то Блока, является откровением нового времени.

известия-2000-29 февр - 0110